

*Виктор Харебов
Сергей Харебов*

*Глиняная
табличка
из Элама*

ВИКТОР ХАРЕБОВ
СЕРГЕЙ ХАРЕБОВ

ГЛИНЯНАЯ ТАБЛИЧКА ИЗ ЭЛАМА

Из цикла «Хроники стародавних
царств»

Издательские решения
По лицензии Ridero
2025

УДК 82-3
ББК 84-4
Х20

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Харегов Виктор

Х20 Глиняная табличка из Элама : Из цикла «Хроники стародавних царств» / Виктор Харегов, Сергей Харегов. — [б. м.] : Издательские решения, 2025. — 58 с.
ISBN 978-5-0067-1080-1

Во время раскопок в окрестностях древнего эламского города Хафт-Тепе (II тыс. до н. э.), на юго-западе Ирана, уфолог и археолингвист профессор Вейр находит глиняную табличку с необычной клинописью. Их ждет путешествие во времени, встречи с жрецами, нападения и погони. Вместе с хранителем артефактов Энлилу-Намру, профессор пытается ее расшифровать. Истина, спрятанная в клинописных строках найденной таблички, оказывается куда глубже, чем они могли себе представить.

УДК 82-3
ББК 84-4

12+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-0067-1080-1

© Виктор Харегов, 2025
© Сергей Харегов, 2025

ПРЕДИСЛОВИЕ

Повесть «Глиняная табличка из Элама» представляет собой художественное осмысление темы, лежащей на пересечении археологии, лингвистики и культурной антропологии. Отправной точкой сюжета становится находка артефакта — глиняной таблички с неизвестной системой письменности, что запускает цепь событий, охватывающую как научный поиск, так и философские размышления о природе знания и времени.

Сюжет развивается на фоне загадочной истории древнего Элама — одного из самых ранних государств Передней Азии, чья культура существовала на территории современного юго-западного Ирана. Задолго до расцвета Вавилона и Ассирии Элам уже обладал собственной письменностью, сложной системой управления, развитой металлургией и монументальной архитектурой. Однако многое в его наследии по-прежнему окутано тайной: эламская письменность остается частично нерасшифрованной, а культурные и религиозные контакты этого царства с другими цивилизациями — предметом жарких научных споров. Таблички, найденные в Сузы и Аншане, содержат следы забытых ритуалов, неразгаданных космологических схем и обращений к неизвестным силам, словно хранят в себе код доступа к иному знанию.

Главный герой повести, профессор Вейр — уфолог, увлекающийся археологией и лингвистикой, — становится свидетелем тайны, скрытой в глубинах древнего Элама. Он открывает следы удивительного контакта: общения между эламитами и внеземной цивилизацией, передавшей людям того времени астрономические знания, сакральные образы и зашифрованные послания, утерянные в вихре тысячелетий. Это история не только о реконструкции прошлого, но и о внутреннем путешествии, в котором случайные открытия становятся поворотными моментами, а древние символы — зеркалом человеческой интуиции, сомнения и веры.

Читателя ждет не просто рассказ с научным фоном, а подлинное приключение, в котором оживают забытые эпохи, ожесточенные царские интриги, древние тайны и послания сквозь время. Повесть поднимает важный вопрос: действительно ли прошлое молчит или же мы просто разучились его слышать?

Эта книга будет интересна как широкой аудитории, увлеченной историческими загадками и тайнами исчезнувших цивилизаций, так и любителям интеллектуального приключения — тем, кто ищет динамичное, насыщенное открытиями повествование, в котором древнее и современное неожиданно переплетаются, оставляя послевкусие вечной тайны.

ОТ АВТОРОВ

Иногда история начинается не с факта и не с даты, а с вопроса. Что, если в забытом языке Древнего мира скрыто послание, адресованное не прошедшим эпохам, а нашему времени? Так родилась эта повесть — на стыке реальных археологических загадок и воображаемых путей, по которым могла пойти история человечества.

Мы не ставили перед собой задачу создать точную реконструкцию событий прошлого Элама — одной из тех древних цивилизаций, что хранят тайны, возможно, выходящие за пределы земной истории. Скорее — мы попытались вслушаться в отголоски ушедших эпох. В голос языка, еще не открывшего всех своих тайн, и в молчаливые размышления людей, ищущих себя сквозь безмолвие веков.

Если вы интересуетесь археологией, загадками исчезнувших цивилизаций и верите, что наука может быть увлекательной, — эта повесть для вас.

Желаем вам приятного путешествия сквозь тайны времени — в мир, где загадки прошлого ждут своего читателя.

Виктор и Сергей Хареговы

ГЛАВА 1.

СЛЕД НА ГЛИНЕ

После своего путешествия во времена фараонов с помощью экспериментального квантового процессора профессор Эдвард Вейр стал фигурой легендарной. Его книга «Хроники Нила: между звездами и песками» стала мировым бестселлером, переведенным на два десятка языков. Ученые спорили, журналисты спорили еще громче, но все признавали одно — профессор Вейр обладал знаниями, которые не мог бы получить без настоящего путешествия во времени.

Свое новое приключение он начал в составе археологической экспедиции, которая вела раскопки в окрестностях древнего города Хафт-Тепе¹ (II тыс. до н. э.) на юго-западе Ирана, где некогда процветала эламская цивилизация. Среди обломков храмового комплекса Вейр обнаружил артефакт — глиняную таблицу с непривычными клинописными знаками.

¹ Хафт-Тепе («Семь холмов») — эламский город (II тыс. до н. э.) с храмами и гробницами в провинции Хузестан (на юго-западе Ирана).

Сидя в своей палатке за раскладным столом, Вейр рассматривал через лупу найденную табличку. Эта находка сбивала с толку: ни один из известных алфавитов древнего эламского письма не соответствовал тому, что он видел перед собой. Символы казались... чужими.

— Крис, посмотри, — позвал он, не отрывая взгляда от артефакта.

В палатку вошел высокий парень с растрепанными волосами и в футболке с надписью UFOs are real. Это был Крис Белтон — техник, программист и человек, которому Вейр неизменно проигрывал в гольф, несмотря на все свои академические титулы.

— Очередная загадка? — Крис наклонился над столом. — Это что, не клинопись?

— Клиновидное письмо. Но не шумерское и не аккадское. Более того — не соответствует ни одному варианту эламского, который мы знаем. — Вейр сдвинул брови. — И знаешь, что странно? Здесь есть повторяющийся символ, похожий на астрономическое обозначение.

— То есть вы думаете, что это не просто запись, а что-то связанное со звездами? — спросил Крис.

— Думаю, это послание. Возможно — предостережение. Или карта.

В палатке повисла напряженная тишина. Снаружи резкие порывы ветра поднимали в воздух песок с земли, который шуршал по палаточной ткани, который доносился до них, словно шепот времен из глубины веков.

— У нас нет другого выхода, — наконец произнес Вейр. — Мы должны переместиться в то время и попытаться узнать, что означают эти таинственные знаки на табличке.

Он активировал временной модуль квантового процессора и поднес к нему табличку.

— Сейчас мы узнаем точную временную метку этой таблички и отметим ее на шкале перемещений процессора...

— Профессор, вы уверены, что получится это сделать?.. Хватит ли нашего знания древнеэламского языка, чтобы объясниться с людьми того времени? — спросил он наконец, осторожно поставив ящик с найденными фрагментами эламитской керамики на пол.

Вейр не отводил взгляда от клинописи. Символы были едва различимы, но в них читалась структура. Ритм. Смысл.

— Не знаю, — отозвался он тихо. — Но уверен, что мы сможем получить ответ на наш вопрос. Мы не обязаны понимать каждое слово — достаточно услышать, что они пытаются сказать.

Он отошел в дальний угол палатки к стеллажу и вытащил старую, потрепанную книгу в кожаном переплете. На обложке еле различимая надпись: «Fundamenta Elamiticae — Professor Ivor G. Leffingwell, Oxford University Press».

— На всякий случай возьмем с собой учебник профессора Леффингвелла. Его лекции в Оксфорде были скучны, как лондонский туман, но он знал язык Элама лучше, чем кто бы то ни было.

Курс древнеэламского языка у профессора Хошанга Бахтияри с кафедры древних ближневосточных языков был намного полезнее для меня. Профессор обучал не только грамматике и письменности, но и особенностям разговорной речи, интонациям, культурным нормам обращения и формам вежливости.

Крис усмехнулся:

— Думаете, жрецы храма поймут вас, если вы начнете цитировать оксфордских филологов?..

— Возможно, нет, — Вейр пожал плечами. — Но если табличка права и это действительно ключ... тогда нам нужно хотя бы попытаться найти замочную скважину.

Они снова обратились к оттиску. На нем был знак, не похожий ни на шумерские символы, ни на аккадские.

В центре — спираль, исходящая из круга, и надпись, которой не было в известных корпусах текстов. Все указывало на то, что эта табличка была не просто реликвией. Она могла быть картой. Или кодом. Или вызовом.

Крис глубоко вдохнул:

— Значит, мы на самом деле отправляемся в Элам?.. В Сузы¹?

— Нет, в Хафт-Тепе, — ответил Вейр. — Мы отправляемся за ответом. И если нам повезет — встретим того, кто вложил тайну в эту в глину.

Крис вздохнул, смущенно потеряв свой лоб:

— Ну, если мы умрем — мы будем первыми, кто умер в прошлом. Это как минимум исторично.

Порыв ветра сорвал с палатки угол тента, и вечерний зной пустыни сменился тревожной тишиной. Крис застыл с пальцем на сенсоре квантового модуля, ожидая команды. Вейр закрыл учебник Леффингвелла и поднял взгляд.

— Все готово? — тихо спросил он.

— Поле стабилизировано. Координаты заданы. Мы попадем на южную окраину Хафт-Тепе, ближе к дороге, ведущей к храмам, — отозвался Крис.

— Тогда запускаем.

Временной модуль квантового процессора дрогнул. Воздух вокруг них стал вязким, как смола, и пространство пошло рябью. Все исчезло. Палатка, пыль, закат... Пространство запело высоким звуком, потемнело, закружилось, сместилось — и потом... все стихло.

Вейр открыл глаза, он лежал в горячем песке. Над головой — яркое, безжалостное солнце. Крис уже поднялся на ноги, отряхивая свою одежду от песка.

— Ну что, профессор. Добро пожаловать в Элам.

¹ Сузы (Шуш) — древняя столица Элама, позже важный центр Ахеменидской и Парфянской империй.

Они стояли на гребне дюны. Вдали раскинулся город Хафт-Тепе, как вырезанный из охры мираж. Город был обнесен глиняной стеной, по которой шли дозорные с копьями. Внутри — ряды одноэтажных домов с плоскими крышами, над которыми возвышались ступенчатые храмы. На окраине пыльная дорога вела к фруктовым садам, а дальше — к реке с медленным мутным течением. В воздухе стоял запах костров, зелени и глины.

— Мы действительно здесь... — прошептал Крис. — Профессор, вы только посмотрите...

— Это и есть Хафт-Тепе времен Шутрук-Наххунте, — ответил Вейр. — Если табличка принадлежала этому времени — мы недалеко от истины.

ГЛАВА 2. ПЕСОК И ЖАР СУЗИАНЫ

Когда портал сомкнулся за их спинами, оставив лишь легкое дрожание воздуха, профессор Вейр бросил быстрый взгляд на Криса и достал из походного рюкзака тщательно уложенные свертки, которые он предусмотрительно взял в экспедицию на случай возможного перемещения в древний Элам.

— Времени у нас немного, — сказал он, скидывая свою куртку. — Мы не можем появиться в этом времени в современной одежде. Нам надо переодеться в подходящую одежду.

Крис уже развернул ткань и с восхищением провел рукой по фактуре. Одежда была выполнена из плотного льняного полотна песочного и терракотового оттенков, украшена геометрическим орнаментом, повторяющим мотивы, найденные на эламских глиняных табличках.

— Она выглядит... аутентично, — сказал Крис. — Даже запах какой-то древний.

— Это благодаря особой обработке, — пояснил профессор, уже натягивая через голову широкую тунику с короткими рукавами. — Мы заказали пошив у специалистов из Angloset Wardrobe Studios, модельного агентства при киностудии Pinewood Studios — ты их знаешь, они одева-

ли актеров в «Царе царей» и «Алекサンドре Великом». Они воссоздали наряды по реконструкциям археологов из Суз и Чога-Занбиля.

Одежда Вейра состояла из длинной льняной накидки, подпоясанной тканым кушаком, и короткой туники с гофрированной кромкой — знак статуса, по описаниям найденным в рельефах. На ногах — простые кожаные сандалии, закрепленные кожаными ремешками.

Крис получил одежду попроще — более грубую тунику серо-коричневого цвета, с открытыми плечами и свободным подолом, как носили слуги или ремесленники. К ней прилагался капюшон-накидка от солнца и пыльные сандалии, будто уже изрядно поношенные.

— Они даже состарили ткань вручную, — усмехнулся Крис, надевая пояс. — Как будто эти одежды действительно носили веками назад.

— Именно этого мы и добивались, — отозвался профессор. — С таким вниманием к деталям нас не отличат от местных... по крайней мере, пока мы молчим.

Он посмотрел на себя и на Криса с одобрением, как костюмер перед генеральной репетицией.

— Теперь мы просто странники из далекой провинции, пришедшие в Сузы. Наш акцент можно будет списать на диалект, а незнание обычаев — на простоту.

Они спустились с вершины дюны, спрятали рюкзаки под обломками у подножия скалы и направились в сторону ближайшего поселения. Песок обжигал ступни, и воздух колыхался в мареве над землей, словно дыхание невидимого гиганта.

Вейр шагал, прикрывая лицо от палящего солнца, а Крис брел чуть позади, разглядывая пейзаж со смесью восторга и тревоги.

— Это точно не Калифорния, — пробормотал он. — И точно не XXI век.

— Мы в Сузиане¹, друг мой, — отвечал ему Вейр. — Еще неизвестно, где жарче — здесь или в Долине Смерти². — Они проходили мимо небольших полей, обнесенных глиняными оградами, меж которых копошились люди в льняных одеждах. Женщины носили на головах кувшины, дети гоняли коз, мужчины обрабатывали землю и несли связки тростника. Все дышало жизнью — простой, тяжелой, древней. — Надо смешаться с местными, — тихо сказал Вейр. — И найти способ попасть в город.

К ним первой подошла девочка лет десяти с корзиной фиников. Она что-то сказала на непонятном Вейру наречии, удивленно разглядывая их одежду. Вейр кивнул, улыбаясь, и жестом показал, что они устали и хотят пить. Девочка крикнула куда-то вдаль, и вскоре появился пожилой мужчина с лицом, обожженным солнцем, и тяжелым, будто высеченным из камня, взглядом.. Они не понимали слов друг друга, но профессор достал из кармана серебряную монету — новодел, но с античным рисунком — и протянул. Мужчина насторожился, затем взял ее, разглядел и кивнул. Через десять минут их уже поили водой из глиняных чаш, а Крису мазали ноги бальзамом от ожогов.

Вечером их пригласили в дом старейшины. Там, под навесом из пальмовых листьев, они ели кашу из зерна и мяса, запеченное в земляной печи. Вейр наблюдал

¹ Сузиана (греч. Σουσιανή, лат. Susiana) — это древнее название региона на юго-западе Ирана, примерно соответствующего современной провинции Хузестан. Сузиана располагалась между Месопотамией (Двуречьем) и Персидским нагорьем.

² Долина Смерти (Death Valley) — это пустынная долина в Калифорнии (США), известная как одно из самых жарких и засушливых мест на Земле. Она находится в пустыне Мохаве и частично в Большом Бассейне. Рекорд температуры: 56,7° C (134° F, 10 июля 1913 г.) — официально зарегистрированный мировой рекорд.

за каждым жестом, интонацией, за порядком еды — всем, что могло бы помочь в интеграции. Он вел записи в небольшом блокноте, делая наброски быта: веревки, светильники, украшения, инструменты.

— Это золотая жила для этнографов, — прошептал он. — Уникальный материал.

Поздно ночью, лежа на циновках, Вейр прошептал:

— Завтра пойдем в Хафт-Тепе. Нам нужен человек, разбирающийся в письменности. Я думаю, что при храме есть Хранитель Знаков. Возможно, именно он нам нужен.

— А если он нас сдаст?

— Тогда нам остается надеяться, что наш акцент не слишком ужасен.

Утром их проводили до дороги, ведущей к городу. Она была пыльной, широкой и оживленной: повозки, навьюченные быки, пешие странники. По мере приближения к городу становилось все шумнее: запах жареной рыбы, дым благовоний, крики торговцев.

Хафт-Тепе встретил их ароматами кориандра и криками охраны. У ворот их остановили. Стража была настороже: два чужака без сопровождающего.

— Не говори ничего, — шепнул Вейр Крису. — Пусть думают, что ты немой.

Один из воинов указал копьём в сторону каменной скамьи. Их усадили и стали допрашивать жестами. Вейр показал на табличку, достал ее из-за пояса. На ней были те самые знаки. Один из стражей пригляделся, обменялся взглядами с другим, затем ушел. Вернулся он с человеком в богато расшитом плаще.

Это был писец или чиновник. Он внимательно посмотрел на табличку, затем на путешественников, после чего произнес несколько фраз — медленно, внятно.

— Возможно, — сказал он наконец на аккадском, перемежаемом с эламскими словами, — вы пришли издалека. Следуйте за мной. Главный жрец должен узнать об этом.

Путешественники переглянулись. Вейр проворчал под нос:

– Началось...

Их провели сквозь шумные улицы, пропитанные пылью и специями, мимо базаров, ремесленных лавок и святилищ — прямо к городскому храму.

Величественный храм из обожженного кирпича возвышался над городом, словно напоминание о временах, когда Элам был полон силы и тайн. Он стоял на массивной платформе, сложенной из тщательно выровненных кирпичных блоков, поднятых на несколько метров над уровнем улиц — защитой как от наводнений, так и от непрошенных глаз. Ступенчатая конструкция террас уводила взгляд вверх, к главному святилищу, скрытому за высокими глинобитными стенами, покрытыми слоем штукатурки и расписанными фрагментами древней символики.

Стены были сложены из обожженного кирпича — материала, в котором эламиты достигли настоящего мастерства. Каждый кирпич носил клеймо царской печати или храмового мастера, а связующим раствором служила смесь глины и битума, придававшая строению прочность и устойчивость. На отдельных участках можно было заметить вставки из глазурованной керамики — бирюзовых и темно-синих оттенков, из которых были выложены изображения быков, львов и звезд — небесных покровителей эламского пантеона.

Вход в храм венчал портал с углубленным проемом, обрамленным парой колонн — не гранитных, как в Египте, а кирпичных, покрытых побелкой и расписанных орнаментами в виде спиралей и зигзагов. На вершине каждой колонны располагался стилизованный цветок лотоса или рогатая голова быка — мотив, повторявшийся в эламской иконографии. Здесь, за его стенами, им предстояло сделать первый шаг в разгадке эламской тайны.

ГЛАВА 3. ХРАМ И ХРАНИТЕЛЬ

В тени массивных строений храма воздух был прохладнее, но от этого не менее напряженным. Стражи в медных нагрудниках вели путешественников по коридорам, выложенным глазурованным кирпичом. Стены украшали изображения львов, священных деревьев и божеств с птичьими головами. У входа в один из залов пахло свежей глиной и розовой водой — знак того, что здесь недавно совершался ритуал очищения.

Вейр чувствовал, как под кожей разливается тревога. Крис шел чуть позади, стараясь не оглядываться. Они оказались в сердце царства, где каждое неверное слово могло стоить жизни, а каждый взгляд имел значение.

В просторном зале их встретил человек в тунике из тонкой шерсти, окрашенной в терракотовые и красные тона, с серебряной подвеской в форме стилизованной звезды. Туника была расшита изящными узорами из золотых нитей. По подолу и рукавам тянулись стилизованные мотивы — пылающие солнца, зубчатые линии и ритуальные звери, как будто ткань несла в себе древние заклинания. Его седые волосы были собраны в узел, а в глазах светился ум и усталость одновременно.

Профессор Вейр сделал шаг вперед, прижал руку к груди и склонил голову, произнеся на древнеэламском: «Ме-нам-иш ина хумба», что означало: «Да пребудет с тобой благоволение царя». Это было традиционное приветствие, которое эламиты использовали при встрече со знатными людьми и вельможами царя.

– Эламит, но не жрец... скорее всего – ученый, – прошептал Вейр. – Возможно, это и есть Хранитель.

– Добро пожаловать, странники, – сказал человек на аккадском с мягким акцентом. – Меня зовут Энлилу-Намру. Я ведаю хранилищами Писаний, Храмовых записей и Учета. Говорят, вы принесли туппум¹, которую никто не может прочесть?

Вейр молча протянул артефакт. Энлилу-Намру взял его с благоговейной осторожностью и подошел к столу, залитому светом из проема в потолке. Он развернул табличку к свету и склонился над ней.

– Это не храмовая запись, – пробормотал он. – И не налоговая. Это... что-то иное. Видите эти символы? Это не классическая эламская письменность. Некоторые знаки похожи на лувийские². А этот – на хурритский.

– Вы можете это прочитать? – тихо спросил Вейр.

¹ Глиняная табличка, туппум (аккад. *tupru* (m) мн. ч. туппумы) – это одна из первых материальных основ для книги, появившаяся около 3500 лет до н. э. в Месопотамии. Глина и ее производные (черепки, керамика) была, вероятно, наиболее древним материалом для книг. Шумеры и аккадцы лепили плоские кирпичики-таблички и писали на них трехгранными палочками, выдавливая клинообразные знаки.

² Лувийцы – сформировавшийся в Малой Азии в эпоху Бронзового века народ, говоривший на вымершем индоевропейском языке. Предполагается, что предки лувийцев мигрировали с территории Балканского полуострова и заселили территорию от Эгейского моря до Киликии.

— Частично. Но мне нужно время. И... ваша помощь. — Он посмотрел в глаза профессору. — Вы не отсюда. Ваш язык, ваша кожа, даже запах ваших одеяний — другие. Но вы ищете истину, я это чувствую.

Вейр не стал отрицать:

— Я пришел издалека, чтобы найти смысл этой записи. Она может изменить многое.

— Тогда оставайтесь в храме. Здесь вы будете под моей защитой. Хотя, — он усмехнулся, — не у всех доброе сердце. За вами уже наблюдают.

Позже в одной из комнат верхнего уровня Вейр и Крис пытались осмыслить происходящее. По стенам медленно ползли тени от факелов.

— Нам верят, — произнес Крис, — но на грани сомнений.

— Да. Но стоит нам раскрыть тайну — и опасность может нависнуть над нами.

Тем вечером Энлилу-Намру вновь пригласил их к себе. Он разложил на столе несколько табличек из архива храма.

— Чтобы понять вашу речь, вы должны понять нас. Слова имеют душу. Символы несут голос предков. Я научу вас основам речи Шушана.

Вейр слушал с замиранием. Он жадно впитывал объяснения: как различаются звуки «ша» и «са», как глаголы согласуются с божествами, как важно, с какой стороны читается знак в контексте ритуала.

— В вашем артефакте, — сказал Хранитель, — есть слово, которое встречается в древних записях времен «падающих звезд». Мы всегда считали это мифом. Возможно, вы принесете иной взгляд.

— Или подтверждение, — пробормотал Вейр.

Тем временем в полутени колонных проходов, за резными дверями святилищ и внутри прохладных залов, где каменные стены хранили полузабытые ритуалы, зарождалось подозрение.

Некоторые из жрецов — особенно те, кто считался хранителями древних формул и заклятий, передаваемых из поколения в поколение, — не скрывали тревоги. Они видели в Вейре и его спутниках не просто чужеземцев, а незваных свидетелей. Свидетелей, пришедших не для поклонения, а для проникновения в тайны, которые, по их мнению, не принадлежали больше никому, кроме избранных.

— Они ищут путь к Вратам, — шептали одни.

— Они хотят вынести за стены города то, что веками оберегали наши отцы, — говорили другие.

В узких коридорах храмового комплекса, в комнатах для молитв и советов стали звучать предложения, которым прежде не находилось места среди жрецов. Одни настаивали на изгнании чужаков до захода солнца, другие — в более мрачной тональности — предлагали, чтобы они «исчезли в песках» без лишнего шума.

Один из них — мужчина с выбритым черепом, жрец с суровым взглядом — произнес:

— Эти чужаки — вестники перемен. Или бедствий. Их речи — яд. Их знания — угроза.

Другой, молодой и хитрый, добавил:

— Но пока они под покровом Хранителя. Надо подождать. Или... сделать так, чтобы его доверие пошатнулось.

Главный жрец пока хранил молчание. Но Вейр почувствовал перемену: в приветливых жестах появилось напряжение, во взглядах — скрытая враждебность. И храм, который должен был стать местом откровений, начал обретать черты ловушки.

Так началась игра теней, в которой на чаше весов оказались знание, власть и сама судьба загадочной таблички.

ГЛАВА 4. ЯЗЫК БОГОВ

Утро в Хафт-Тепе начиналось с шелеста шелковых занавесей, звона сосудов с водой и мерного пения храмовых служек. Храм просыпался не торопясь, как древнее существо, обитавшее вне времени. Вейр уже был на ногах: он сидел на открытой террасе, смотрел на город, раскинувшийся под первым светом солнца, и повторял про себя эламские слова, записанные им на дощечке из сырой глины.

Крис появился сонный, с лохматой головой:

— Уже репетируешь? Мы же не на экзамене.

— Это хуже. Здесь неправильный ответ может вызвать подозрение в колдовстве, — отозвался Вейр и усмехнулся. — Лучше я запнусь на грамматике, чем потеряю голову.

Их ожидал Хранитель. В покоях Энлилу-Намру царил полумрак. Свет проникал через резные оконные решетки, падая на ряды табличек, аккуратно разложенных по глиняным полкам. Хранитель сидел на циновке, окруженный писцами и помощниками. Он жестом подозвал гостей и вручил каждому дощечку с надписью.

— Мы начнем с основ. Речь Шушана — это больше, чем слова. Это музыка и ритуал. Чтобы говорить, вы должны чувствовать вес каждого знака.

Начались часы изучения. Хранитель показывал, как один и тот же символ может означать «звезду», «бога» или «знамение» — в зависимости от положения и акцента. Он объяснял разницу между священной речью жрецов и повседневным языком торговцев. Слова в Эламе не просто передавали смысл — они вызывали силу.

Вейр с интересом записывал все в свою записную книжку. Он даже попробовал воспроизвести несколько символов, с явным удовольствием экспериментируя с глиной. Крис безучастно наблюдал за действиями профессора.

На третий день обучения Вейр показал Хранителю одну из фотографий, сделанных в XXI веке — изображение фрагмента артефакта, хранившегося в музее Тегерана.

— Эта надпись, — сказал он, — почти идентична одной строке на нашей табличке.

Хранитель задумался, затем прошептал:

— Это знак Касси... упоминается в предсказаниях времен Великой Бури. Легенда говорит, что звезды однажды упадут на землю и тогда откроется путь. Но никто не знал, где искать этот путь.

— Возможно, наша табличка — часть карты, — предположил Вейр. — Или ключа к ней.

Энлилу-Намру кивнул. Он выглядел потрясенным, но не испуганным. Напротив — в его глазах загорелся огонь ученого, искателя истины.

— Мы продолжим. Завтра я покажу вам Хроники Линии Ветра. Там есть строки, созвучные вашему тексту.

Однако не все были в восторге от успехов чужаков. В зале при храме Ишме-Карру верховный жрец Утар-Мезу обсуждал ситуацию с представителями жреческого совета.

— Они учатся. Быстро. Они узнают больше, чем позволено чужакам. Мы должны вмешаться, — произнес он мрачно.

— Но царь заинтересован. И Хранитель их защищает, — возразил один из младших жрецов.

— Тогда мы сделаем так, чтобы они оступились. Достаточно одного проступка — и доверие рухнет.

В тот же вечер к Крису подошел слуга с приглашением на тайную встречу. Незнакомец говорил на ломаном аккадском, утверждая, что знает происхождение таблички. Крис рассказал Вейру о таинственном слуге.

— Это может быть ловушка, — сказал профессор. — Или шанс узнать больше.

— Тогда мы пойдем вместе.

Они отправились в сопровождении слуги в узкие кварталы, где жили ремесленники и писцы. Там, в одной из глинобитных лавок, их ждал молодой человек с лукавым взглядом. В руках он держал табличку, поразительно похожую на ту, над расшифровкой которой ломали голову путешественники.

— Я нашел это в развалинах возле старого святилища. Но никто не смог понять смысл. До вас. — Он подмигнул. — Если хотите ее получить — мне нужно кое-что взамен.

— Например?

— Доступ к дворцовой библиотеке. На час. Я ищу кое-какие записи.

— Это невозможно, — отрезал Вейр.

— Тогда нет таблички.

Они вернулись без новой информации, но с важным осознанием: вокруг таблички начинают кружить те, кто хочет использовать ее ради своих целей. И эти интересы могут оказаться смертельно опасными.

Тем не менее Вейр чувствовал, что он все ближе к пониманию. Язык открывался ему как цветок, и в его сердцеvine пряталась истина — древняя, сияющая и, возможно, слишком могущественная для одного человека.

ГЛАВА 5. ЗАГОВОР ПОД ЛИВНЕМ

Дождь в Хафт-Тепе был редким гостем, но в тот весенний день небо раскололось, словно сосуд из обожженной глины. Грохот грозы застал путешественников на внутреннем дворе Дома странника¹.

Вейр поднял лицо к небу. На мгновение он ощутил, что время растворилось. Здесь, под дождем, он был не ученым из будущего, а странником между мирами.

– *Šiminki raša*, – пробормотал он. – «Небо плачет».

– Это не просто ливень, – заметил Крис, оглядываясь. – Вон те жрецы не радуются. Посмотрите, профессор... как они нахмурились.

И правда: в затененном проходе под каменными арками стояли трое мужчин в темных плащах. Он что-то говорил, прижав ладонь к груди, и его голос был глух и ясен одновременно. Они не замечали, что их наблюдают. Или делали вид.

¹ В кварталах древнего эламского города, особенно при дворце или храме, могли существовать специальные помещения для приема послов, ремесленников, торговцев или паломников. В шумерской традиции использовались слова вроде: *é-gal* (букв. «большой дом», т. е. дворец).

Когда дождь закончился, профессор Вейр с Крисом направились в библиотеку храма, где их ждал Энлилу-Намру.

Они сидели за большим столом и слушали, как Хранитель зачитывал строки из Хроник Линии Ветра. Один из юных писцов случайно пролил масло на табличку Вейра. Он извинился, но профессор заметил короткий знак, который юноша показал другому писцу — вертикальный жест через грудь.

— Что это значит? — спросил он у Энлилу-Намру позже, наедине.

Хранитель долго молчал, затем вздохнул:

— Это знак Хаум-Дуран — секты, что почитает молчание и боится перемен. Они считают, что каждый, кто говорит на языке звезд, нарушает покой духов.

— Нас считают нарушителями?

— Не все. Но те, кто верит в древние границы между мирами, — да.

На следующий день Вейру принесли пергамент — как будто случайно забытый в его комнате. На нем на старозамском было написано: «*Kikki nam-me. Giriš ummiš kiš-eli.* — „Ты не свой. Ступай ввысь, прежде чем тебя опустят вниз“». Угроза, замаскированная под поэзию.

Крис был вне себя:

— Нас хотят устранить и делают это по всем законам дипломатии бронзового века. Что будем делать?

— Отвечать тем же языком, — сказал Вейр. — Молчанием и знанием.

Путешественники по-прежнему продолжали посещать занятия, изучали символы, переписывали строки.

Вейр заметил, что чем глубже он погружается в язык, тем больше ощущает ритм мыслей древних людей. Их представления о мире были иными: клинописный знак «дух» (*gidim*) изображался почти так же, как «ветер» — похожим на половину звезды с расходящимися от центра короткими клиньями. Рядом с ним — дополнительные го-

ризональные и вертикальные клинья, образующие структуру, похожую на перевернутый крест, а знак, изображающий слово «знание», выглядел как вертикальный клин, от которого отходят короткие горизонтальные штрихи, и напоминал лучи, исходящие из центра.

Однажды ночью, когда все улеглись спать, они вышли в нижний сад Дома странника. Крис заметил тень у стены. Слишком быстро исчезла. В кустах нашли обломок таблички — не их, но с посланием: «*Šeh en-nam. Ummu ašti.* — „Царь знает. Мать видит“».

— Это проделки жрецов, — сказал Энлилу-Намру, когда они следующим утром показали ему фрагмент. — Так запугивают тех, кто ведет себя «не по вере».

Вейр кивнул. Он все понял. В этом мире уважали силу, но истинную — ту, что шла от понимания, а не от меча.

— Тогда мы начнем писать. Пусть слова станут нашим щитом.

Они начали составлять грамматический свод, сопоставляя символы таблички с известными вариантами. Крис собирал фонетические пары, Вейр интерпретировал контексты. Работа шла тайно в нише под храмовой галереей, среди высеченных в стене символов.

И все же тень за ними не отступала. Однажды утром в их покоях обнаружили глиняную фигурку, изображающую человека с выломанным языком. Послание было ясно.

Вейр зажег лампу, взглянул на Хранителя и сказал:

— *Innam. Giriš šetme.* — «Я иду. Врата открыты».

Он знал, что выхода назад нет. Но путь вперед теперь был не просто путешествием. Это было — откровение.

Гроза, прокатившаяся по Хафт-Тепе, была только началом.

ГЛАВА 6. ТАЙНЫ НА ПЕРГАМЕНТЕ

День, когда Вейру позволили войти в Хранилище Те-ней, начался с запаха благовоний и таинственного знака, оставленного на его дверях: спираль, начертанная пеплом и охрой, — символ дозволения среди хранителей знания. Это было не просто приглашение. Это был древний ритуал допуска, известный лишь немногим.

Энлилу-Намру встретил их у входа в подземные своды храма. На нем была темная туника жреца писцов, а на поясе — бронзовая ключ-табличка с выгравированными словами: «*Šul-Šiminki innam ašti*. — „По воле Неба — знание матери“». Он приложил табличку к узору в каменной кладке, и в ответ прозвучал мягкий скрежет: дверь открылась, словно камень признал своего.

— Здесь не ступала нога чужака уже три сотни лет, — сказал Хранитель. — И только по велению Главного жреца я могу ввести вас.

Подземелье встретило их тяжелым сухим воздухом. Стены были выложены плитами с выбитыми знаками, некоторые — покрыты сажей, другие — отполированы до блеска. Факелы трещали, отбрасывая пляшущие тени, и каждый шаг звучал как удар в сердце тишины.

На шестом повороте коридора Энлилу-Намру указал на ниши, заполненные пергаментами¹, свернутыми в кожаные трубки и перевязанными веревкой из тростника.

— Это Хроники Западных Путей. Здесь встречаются упоминания о «касси» — падших знаках, пришедших с неба. Вам нужно искать связанное с этими словами: *Sukkal mušanna, šukimi ezzun, kikki gatu*. Они обозначают служителей звезд, след духа и мост между мирами.

Вейр, прижимая платок к лицу от пыли, уже ощущал, как ускоряется его пульс. Он знал: среди этих свитков спрятано что-то большее, чем память.

Они работали без перерыва. Крис аккуратно разворачивал тексты², Вейр просматривал и переводил вслух. Некоторые тексты были явно обрядами: обращения к духам земли, списки подношений. Но были и другие — фрагменты, в которых описывались явления, напоминавшие современные наблюдения НЛО.

— Послушай: «*Šiminki šuppi inni kassum. Ummatu šakna. Ezzun iršul*. — „С неба сошел черный круг. Народ пал ниц. Свет ушел внутрь“». — Вейр перевел и замер.

— Это описание посадки? — прошептал Крис. — Или миф?

— Иногда разница лишь в расстоянии во времени, — ответил профессор. — Но это еще не все.

¹ Упоминания о пергаментных свитках встречаются в поздневавилонских и хурритских текстах. Ассирийцы и евреи (позднее) использовали пергаментные свитки — возможно, традиция существовала уже ранее. В более позднюю эпоху (Ахеменидская Персия) пергамент и папирус уже достоверно использовались для писем и свитков.

² Имитация клинописи на пергаменте возможна как рисованная графика. Вместо вдавливания рисовали клиноподобные знаки тушью или пигментом. Такие образцы действительно существовали — известна «чернильная клинопись» в поздневавилонский и эламский периоды.

На одном из свитков они нашли символ, идентичный тому, что был на глиняной табличке. Под ним шла запись: «*Šanaggi inni tuššum. Ninni giriš. Šeštu šul-az.* — „Печать хранит голос. След ведет. Страж встанет в тень Неба“». Это была часть пророчества или, возможно, указание.

Когда Хранитель увидел этот фрагмент, он замер, затем произнес почти шепотом:

— Это связано с Великим Расхождением. Легендой, что небесные врата однажды вновь откроются.

— А печать?.. — спросил Вейр.

— Вероятно, ваша табличка и есть та самая печать. Или ее часть.

Их разговор прервало легкое эхо шагов. Кто-то приближался. Хранитель быстро погасил ближайший факел и приложил палец к губам. Из мрака показался юный писец с корзиной для хранения свитков.

— *Šarru nikkum inna,* — проговорил он. — Главный жрец желает знать, что вы нашли.

Энлилу-Намру кивнул и повернулся к Вейру:

— Отныне каждый шаг — под взором Главного жреца. Мы идем по лезвию.

Позже в покоях Вейр осторожно разложил найденные отрывки. Он сделал набросок связей между словами, используя эламские корни, алломорфы и сигнальные формы.

— Это как сплести сеть из слов, где каждая нить — направление. Мы получаем карту не территории, а смысла.

— И эта карта ведет не только сквозь землю, но и сквозь веру, — добавил Вейр. Он смотрел на символы, будто вглядывался в зеркальную гладь времени. Там, в строках, было нечто большее, чем просто знание. Это было приглашение. Или предупреждение.

И чем дальше они шли, тем яснее становилось: древние не просто хранили память. Они оставили маршрут.

ГЛАВА 7. КЛИНЯ И КРОВЬ

Зал Писцов в восточном крыле храма наполнялся глухим постукиванием стилов по сырой глине — короткие, отрывистые звуки складывались в ритмичную переключку, как дождь по дереву. Время от времени слышался скрип, когда табличку сдвигали на дощатом столе, и негромкий звон, если она случайно задевала соседнюю. Воздух был плотным от запаха влажной глины, пыли, дыма благовоний и терпкого запаха тростниковой черни. У стены, под нишей с изображением богини Пинник-галь, Вейр сидел на ковре, сосредоточенно переписывая фрагмент из Хроник Западных Путей.

— *Šul-girru innum šaneggi. Ummatu ezzun kir*, — произнес он вполголоса, переводя: «Печать хранит огонь. Народ боится света».

— Интересный поворот, — сказал Крис, подходя с восковой дощечкой в руках. — Здесь другое продолжение: «*Giriš umma šu-kim. Izzi šul-hu*. — „След ведет к краю. Свет скрыт в глине“».

— Это почти поэма, — ответил Вейр, — но слова не просто метафора. Здесь зашифрована геометрия, возможно — ориентиры.

В этот момент в зал вошел мальчик-служка с подносом воды и лепешек. Он склонился низко, поставил поднос

у ног Вейра и ушел, не поднимая взгляда. Вейр машинально потянулся за кувшином... но остановился. Запах был странный. Резкий, металлический.

– Не пей, – сказал он, передавая сосуд Крису.

Тот сделал осторожный глоток и сразу выплюнул.

– Медный привкус. Возможно, что-то добавили.

Они переглянулись. Молчание как плита придавило зал. Среди писцов кто-то кашлянул, кто-то продолжал работать.

Позже Энлилу-Намру, услышав о произошедшем, нахмурился:

– *Iggid-mumai*. – «Рука предательства». Этот знак появляется, когда жрецы решают действовать не словами, а делами.

– Это уже покушение? – спросил Вейр.

– Это предупреждение, – тихо ответил Хранитель. – Но следующее может быть последним.

На следующий день Вейр все же вернулся в зал. Он чувствовал – нужно спешить. Их работа приближалась к ключевой точке: к расшифровке центральной строки таблички.

Он работал с глиной, складывая символы, когда в зал вошел человек в одежде писца, лицо его было скрыто тенью капюшона. Он не подошел, не заговорил. Просто стоял и наблюдал.

Вейр сделал вид, что не заметил, но шепотом сказал Крису:

– Слева у колонны. Он вооружен, встань под защитный купол.

И вдруг все произошло в один миг. Чужак бросился вперед, выхватывая нож из обсидиана со шнуровой оплеткой, но был отброшен невидимым щитом. Он лежал на земле, неподалеку от места, где стоял профессор, и с недоумением озирался вокруг себя, не понимая, что произошло.

Стража ворвалась через секунду. Убийца попытался бежать, но был повален и связан.

Энлилу-Намру прибыл быстро. Его лицо было как высечено из камня.

– *Šaneggi ummi*. – «Печать проронила кровь».

Вейр стоял в оцепенении, глядя на тело юноши.

– Почему он?.. Почему он пытался нас убить?

– Потому что он понял, кто вы. И что вы хотите здесь узнать.

На следующий день во дворце не говорили громко. Таблички лежали на месте, но работа почти остановилась. Жрецы требовали закрытия Зала Писцов. Совет собирался в потаенных покоях. А в комнате Вейра появилась записка: «*Šukimi šul-girru. Šum piš az*. – „След ведет к огню. Но свет слепит тех, кто боится“».

Энлилу-Намру пришел поздно ночью. Он был мрачен, но спокоен.

– Завтра ты должен читать. Перед людьми. Прочти часть восковой таблички, которую мы с тобой вместе переводили в Зале Писцов. Народ должен убедиться в том, что ты не демон, а один из людей, которые странствуют по свету и ищут Истину. Тогда они тебе поверят. Если ты не сделаешь этого – они решат, что ты врешь. Если прочтешь – возможно, тебя признают. Или осудят. Но выбор – твой.

– Тогда я буду читать, – сказал Вейр.

Он посмотрел на символы и впервые ощутил не просто смысл. Он услышал их.

ГЛАВА 8. ГОЛОС ПРЕДКОВ

Утро над Хафт-Тепе взошло хриплым дыханием восточного ветра. Ветер шел с соленых болот¹, где в ночи плакали птицы и гудели флейты старых жрецов. Тени от обелисков были еще длинными, а тишина площади казалась неестественной. Горожане ждали.

Во дворе из светлого камня у храма Киририше собрался народ: писцы, гончары, старейшины, воины и женщины в нарядных накидках. Множество глаз смотрело на поднимающегося по ступеням чужака с голосом прошлого.

Вейр чувствовал на себе тяжесть взглядов. Под простой туникой, сшитой по совету Хранителя, он прятал амулет, врученный ему одним из жрецов, с которым он познакомился в Зале Писцов. Он сказал Вейру: «*Šel-hu ammi inna. Šip tuš.* — „Свет знает, кому служишь. И он защитит“».

Перед ним на каменном постаменте лежала та самая восковая дощечка, которую он переводил вместе с Хранителем в Зале Писцов. Крис стоял внизу, рядом с Энлилу-

¹ В окрестностях Хафт-Тепе (провинция Хузестан, юго-западный Иран) есть зоны с солончаками и солоноватыми болотами, особенно в низинных участках между реками и древними руслами.

Намру. Весь дворец притих. Только жрецы у колонн перешептывались, и в их глазах отражалось недовольство.

Верховный жрец Идутук-Наппир сам присутствовал, скрытый в тени льняного балдахина. Его лицо было закрыто серебряной маской – знаком, что придавал голосу жреца вес Судьбы.

Хранитель сделал шаг вперед:

– Этот человек – не дитя нашего народа. Но его уста заговорили на речи, что забыта. Он прочтет строки, принесенные временем.

Профессор взял табличку в руки. Сердце стучало, но голос звучал ровно:

– *Šaneggi inni tuššum. Ninni giriš. Šeštu šul-az.*

Толпа затаила дыхание. Вейр продолжил, уже переводя:

– «Печать хранит голос. След ведет. Страж встанет в тень Неба».

– *Šumki ezzun kiš. Anni ummatu kir. Kikki innam.*

– «Свет падает с неба. Люди склоняются в страхе. Знак приходит вновь».

Женщина с ребенком прижала ладонь ко рту. Старик у стены указательным пальцем правой руки начертил на своем лбу зигзаг. Жрецы шевельнулись, словно змеи под плащами.

Вейр продолжал:

– *Sarru šul-hu. Ezzun-šu šumki.* – «Царь есть свет. Его свет – с неба». – И добавил: – Это не лестная фраза. Это предупреждение: цари, что придут с неба, не несут радости.

Шум прокатился по толпе. Кто-то закричал, кто-то бросился бежать. Жрецы поднялись, обнажая посохи.

– *Lugalla inna piš! Ummatu ezzun!* – вскрикнул Утар-Мезу, храмовый распорядитель, официально считающийся заместителем старшего жреца. – «Он лжет! Народ в страхе!»

Но Вейр не дрогнул. Он продолжил:

– *Giriš šumtu. Anni šegul. Namru šiptu.* – «След истерт. Песок укрыл. Язык тьмы хранит».

Эти строки были самыми важными. Они означали, что память о прошлом была скрыта намеренно.

Главный жрец поднялся. Его маска блеснула в утреннем свете.

– *Innam šul? Šum pištu?* – «Он несет свет? Или яд?» – вопрос был адресован Хранителю.

Энлилу-Намру склонился в поклоне:

– *Šul nam. Šip inna.* – «Он несет Свет, который исчезнет, потом появится вновь».

Главный жрец сделал знак – пусть продолжает.

Вейр закончил чтение:

– *Kikki ur-hu. Šegul ummatu. Šaneggi šum az.* – «Знак пред бедствием. Народ забудет. Память вновь исчезнет».

Тишина опустилась как саван. А потом – странный звук: не колокол, не рог, а низкий гулкий голос ветра, как будто древний дух прошептал сквозь время.

Толпа стояла недвижимо.

Но где-то в тени, под арками, снова начали шевелиться заговорщики. Их глаза были полны страха. Слова, что не должны были звучать, были произнесены. Печать сорвана.

Крис прошептал:

– Профессор, вы открыли им тайну небесного портала.

Вейр кивнул. Он чувствовал, как над городом тянется напряжение, словно перед грозой.

Толпа начала медленно расходиться после речи профессора Вейра о великом пути звезд, времени и памяти. Воздух еще дрожал от последнего аккорда его интонации. Он спустился с постамента, обмахивая лицо ладонью, и подошел к временному модулю, спрятанному под плотной тканью в углу святилища.

Сканер модуля мягко засветился, узнав его отпечаток. Возникла голограмма сообщения:

«Внимание. Астрономическое событие: полное солнечное затмение. Координаты: район Хафт-Тепе, долина за рекой. Время: через 4 суток с текущего момента. Продолжительность – 6 минут 17 секунд».

Вейр замер, уставившись в строки полученного сообщения. Мысль быстро оформилась в голове: «Это можно использовать. Это будет доказательство. Или чудо».

Он повернулся к Крису, все еще стоящему неподалеку и наблюдающему за толпой:

– Крис, ты это видел? Полное затмение через четыре дня. В точке, куда мы прибыли. Мы как раз в зоне затмения. Я должен... должен сказать им. У них нет астрономии в нашем смысле. Только миф. А значит – поверят. Но это будет не обман, а знак. Я должен использовать его правильно.

Он решительно взошел обратно на постамент. Люди внизу обернулись. Кто-то закричал, кто-то пал ниц. Глашатай звякнул жезлом. Снова наступила тишина.

Вейр громким голосом провозгласил:

– Народ Элама! Услышь меня!

Толпа замерла. Даже ветер, казалось, стих.

– Я – тот, кто говорит с небесами. И я говорю вам: через четыре дня солнце уйдет с небес. Свет померкнет. День обернется ночью.

Толпа заволновалась. Женщины закричали, прижимая детей к груди. Один старик уронил посох, и тот с глухим стуком упал на плиты. Мальчик в рваном хитоне вцепился в руку матери.

Раздались голоса из толпы:

– Кара богов? Что мы сделали? Чем прогневили богов? Солнце уйдет... это конец! Это конец!

Вейр поднял руку:

— Нет! Не кара — испытание. Знамение. Но не бойтесь. Я сказал — день обратится в ночь, но ненадолго. Боги вернут свет, ибо я просил их пощадить Элам. Свет вернется! Не прольется ни капли крови, если сердца ваши будут чисты.

Шепот пошел по толпе, как ветер по полю. Кто-то уже называл его намтару-шамаш — посланник солнца.

Крис подошел к Вейру и тихим голосом сказал:

— Они уже считают вас богом, профессор.

— Тогда мне придется быть достойным этого мифа, — мрачно ответил ему профессор.

Он спустился с постамента, и люди расступались перед ним, давая ему дорогу. А в небе медленно плыли темные облака — предвестники перемен.

ГЛАВА 9. ПЕСНЬ ЗАТМЕНИЯ

На четвертый день после чтения таблички солнце перестало подниматься как обычно. Сначала это было едва заметно – свет становился медным, приглушенным, словно покрытым пеплом. Птицы на болотах не пели, и даже священные ибисы, что жили у храмов, молчали. Люди шептались. Слухи ползли, как змеи по тростнику.

– *Šul-nam piš az?* – спрашивали друг друга торговцы. – «Свет ушел в страх?»

В Храме Киририше жрецы собирали экстренное собрание. Утар-Мезу восседал на ступенях святилища, обвив запястья лентами из золоченой ткани, символизирующими власть над устами богов.

– *Šegul annu. Šum ezzun. Šiptu az,* – говорил он. – «Знамение пришло. Свет пал. Проклятие явлено».

– Все началось после чтения, великий шатамму¹, – вторили ему младшие жрецы. – Народ боится. Женщины не выходят к колодцам. Мужчины молчат в харчевнях.

¹ «šatammu» – храмовый распорядитель, может быть аналогом управляющего или заместителя старшего жреца.

Вейр с утра стоял на башне у городской стены, наблюдая за диском солнца. Его края потемнели. Затмение началось.

— Оно было предсказано, — произнес он. — Но не просто как астрономическое событие... это было в тексте. *Šiminki ul-girru. Kir ummatu. Ezzun šul.* — «Небо станет пустым. Страх овладеет народом. Свет уйдет».

— Профессор, думаете, они поверят, что вы не колдун? — спросил Крис. — Здесь наука — это тоже магия.

— Я не должен убеждать. Я должен показать свою твердость.

Когда солнце почти исчезло, толпа вышла на центральную площадь. Женщины падали ниц, дети кричали. Глашатаи били в медные чаши, вызывая духов света. Жрецы шли в процессии, неся пепельные сосуды и курильницы. Утар-Мезу взошел на алтарь и поднял руки:

— *Anni urhu! Šip nam! Giriš lugal az!* — «О, бедствие! Вернись, свет! Покайся, жрец!»

Но главный жрец Идутук-Наппир не вышел. Его покои были наглухо закрыты. Он наблюдал изнутри в окружении стражи, нем и недвижим, как бог, запертый в маске.

В этот момент по толпе пронесся крик:

— *Innam šumtu! Šegul ezzun! Kikki šiptu!* — «Он пришел! Песок пал! Знак — проклятие!»

Толпа рванулась. Люди увидели силуэт Вейра, идущего к храму. Он не скрывался. На нем была та же туника, тот же взгляд. Он шел, как шел бы тот, кто слышит музыку невидимого хора.

В Вейра полетели камни. Первый камень пролетел рядом, второй ударил по ступеням. За ним еще... Но они отскакивали от невидимого щита. Это привело в изумление нападавших на него людей, у них появилось чувство страха.

Утар-Мезу молча смотрел, как в Вейра толпа кидала камни.

– *Tuzzi šaneggi. Nam-ur az*, – произнес он. – «Ты раскрыл тайну пути к звездам. Ты – тень».

Но прежде чем он поднял свой ритуальный посох, раздался голос:

– *Giriš annu piš. Namru az šul*. – «Этот след истинный. Свет говорит».

Это был Энлилу-Намру. Хранитель, одетый в церемониальную мантию цвета глины. Он вышел из-за колонн, держа в руках дощечку с последним фрагментом перевода.

– *Kikki šul-piš. Ummatu tuš. Šaneggi nam!* – прочел он. – «Знак был истиной. Народ – свидетель. Путь к звездам говорит».

Жрецы отшатнулись. Толпа замерла. Ветер стих, и на небе солнце вновь начало пробиваться сквозь покров.

– Он не несет тьму, – сказал Хранитель. – Он – голос тех, кто был до нас. Голос предков, забытых, но не исчезнувших.

Главный жрец вышел из своих палат и снял маску. Его лицо было искажено страхом и благоговением.

– *Šumki... šip?* – прошептал он. – «Ты... бог?»

Вейр покачал головой:

– *Innam piš. Šiptu innam*. – «Я человек. Но с посланием».

Солнце вернулось. Но его свет уже не был прежним. Он падал на землю как напоминание. Как меч над городом, где каждый шепот мог стать пророчеством.

И тишина, наступившая после, была не облегчением. Она была – ожиданием.

ГЛАВА 10. ПЕЧАТЬ НА ГЛИНЕ

Сквозь сеть подземных ходов, проложенных еще до времен Идутука-Сапура, Энлилу-Намру вывел Вейра и Крису в старую мастерскую под храмом Гештины — богини памяти. Здесь пахло прелой глиной, сушеными травами и воском. Глиняные плиты, покрытые знаками, стояли в тишине как мертвые стражи времени.

— *Nam-az piš giriš. Tuš šegul šaneggi*, — прошептал Хранитель. — «Истина живет в следе. Там отдыхает печать».

Энлилу-Намру провел ладонью по стене, нащупал символ солнца с двойным глазом — тайный знак «молчаливого архива». Нажал. Открылась ниша, где лежала дощечка, покрытой воском.

— Последний фрагмент, — сказал он. — Был скрыт даже от жрецов. Я доверяю его вам.

Энлилу-Намру медленно провел пальцами по стене, покрытой теплой на ощупь глиной. Поверхности зала, казалось, дышали — влажноватый слой хранил следы инструментов и рук древнего мастера. Там, где свет факела скользнул под нужным углом, проступили клинописные знаки, выдавленные в тонком глиняном слое, нанесенном на стену. Они шли в горизонтальных линиях, строгих и уверенных, как ритм молитвы.

На стене отчетливо были видны знаки, идентичные тем, что были выгравированы на найденной табличке. Но здесь рисунки составляли сложную структуру: шесть концентрических кругов, соединенных угловыми линиями и окруженных символами, напоминающими карты звезд.

— *Kikki šul-piš. Innam kir kassum*, — прошептал Вейр. — «Знак был светом. Путь ведет в небо».

Энлилу указал на знак в центре: спираль, пересеченная кольцом и стрелой, — символ древнего Перехода, известный лишь по запрещенным текстам.

— Это не просто зашифрованный язык, — сказал он. — Это пароль. Ключ. Координата, которую должны были произнести жрецы. Ритуал, активирующий канал.

Из рассказа Хранителя выяснилось, что сотни лет назад на эту землю прибыли странники с другой звезды. Они передали знание об устройстве, что позволяло перемещаться между мирами по трем осям: времени, пространству и сознанию. Тайну этого устройства они доверили жрецам особой секты, что не имела храмов, а жила в уединении, служа Знаку.

Но с течением поколений знания потерялись. Жрецы начали бояться Перехода. Портал, находившийся в сердце горы, был закрыт. Тайну стерли с табличек, но оставили ее в камне — в пещере.

Путешественники благодаря шифру с таблички и рисункам на стене смогли восстановить последовательность действий. Там же, на стене, была выгравирована фраза: «*Šiptu kassum tuš. Ummatu šegul az*. — „Голос звезд уснул. Народ укрыл его в тени“».

Вскоре слухи о раскрытии древнего портала достигли жрецов. Совет старейшин пришел в ярость. Они решили уничтожить путешественников, пока те не произнесли забытые слова в мире живых.

Разрешение: Вейру удалось зафиксировать схему ритуала и координаты звездной точки на слайдер. Крис создал

алгоритм голосовой активации. Вместе с Энлилу они успели вернуться до нападения. Портал не был открыт — но знание, как его активировать, сохранено.

Табличка, как оказалось, была не просто записью — она была частью системы доступа. Ключом, вырезанным из времени.

Жрецы стремились уничтожить тех, кто мог вернуть этот ключ в замочную скважину Вселенной.

Вейр взял табличку. Она была тяжелой, с двойной записью: внешний текст был древнеэламским, но под ним, как позже выяснилось, скрывался слой более старой письменности — возможно, протоэламской или даже вневременного происхождения.

— Нам нужно все сверить, — сказал Крис, раскладывая таблички и начерченные символы. — В том числе географические маркеры. У нас есть строки, указывающие на небесные тела.

— *Šiptu šul giriš. Šuminki kassum. Urhu tuš šegul*, — произнес Вейр. — «Голос свет несет. С неба пришел. В бедствии спит след».

Они работали всю ночь. Крис находил повторяющиеся связки, а Вейр, уже почти мысленно думая на эламском, пробовал их развернуть в понятные конструкции.

— Вот. Слушай это: «*Nam šarru ezzun. Šulpi kikki tuš. Ummi gir az šegul. Šarru šegul-az*. — „Имя царя — страх. Световая печать покоится. Народ ушел в песок. Царь спит в песке“».

— Это могила? — спросил Крис. — Или укрытие?

— Или место падения... или криогенное хранилище. Они говорят, как могли. Но посыл ясен — контакт был. Последствия — разрушительны. И... возможно, повторимы.

Энлилу-Намру сидел в тени, слушая. Он не вмешивался, но его лицо становилось все строже.

— *Šaneggi az piš girru. Ummatu šiš*, — проговорил он. — «Печать есть, но ведет в огонь. Народ — тень».

— И мы должны вернуть ее с собой, — твердо сказал Вейр.

— Или спрятать, — возразил Крис. — Если это действительно способ вызвать... их... или активировать что-то, мы не можем позволить, чтобы это попало в неправильные руки.

— Тогда лучшее, что мы можем, — взять копию. Оригинал останется тут под твоей охраной, — Вейр кивнул Энлилу.

— *Innam kir az šul. Pištu giriš ummatu. Šegul-tuš šaneggi*, — ответил тот. — «Такова будет воля света. Истинный след поведет народ. И печать отдохнет».

К утру копия была готова. Крис использовал слоистую глину и древесную смолу из мастерской, чтобы создать точный слепок.

Перед уходом Вейр вручил Хранителю свой амулет — серебряную пластину с символом звезды и кольца.

— Это знак, — сказал он. — Пусть будет как обет: если кто придет, но не знает смысла, ты скажешь: «*Šiptu innam. Giriš šul az*. — „Голос говорил. След — свет“».

Они покинули мастерскую перед рассветом, облачившись в простую одежду подмастерьев. По дороге вниз сквозь тоннель Энлилу оглянулся:

— *Tušpi šaneggi. Kir šarru piš*, — произнес он. — «Печать легла. Путь открыт царю».

И хотя путь назад в их мир был еще не завершен, Вейр знал — теперь у них есть то, что изменит все. Не просто текст. Не просто знание.

У них был ключ. И великая затаившаяся тишина, что ждала, когда его повернут.

ГЛАВА 11.

ПОБЕГ СКВОЗЬ ПЕСОК

Тепло наступающего дня проникало сквозь каменные щели подземных переходов, когда Вейр, Крис и Энлилу-Намру покинули укрытие. Город еще спал, но на рынках уже мерцал огонь в глиняных чашах, и первые торговцы разносили финики в корзинах. Путешественники держались в стороне, переодетые в дорожных писцов, с табличками в руках и копией артефакта, спрятанной в свертке из кожи с печатью храма Киририше.

Прежде чем вернуться в свое время, они решили найти спрятанные в обломках скалы свои походные рюкзаки и переодеться в свою одежду. Энлилу-Намру вызвался их проводить, опасаясь, что их может задержать городская стража.

– *Giriš tuš az*, – шепнул Энлилу, глядя на врата. – «След стелется ровно».

Он вел их короткими маршрутами через внутренние дворы, где стены были выкрашены пыльно-красным, как сухая кровь. Никто не оборачивался. Пока.

Уже на мосту, пересекавшем канал, один из стражей задержал их взглядом. Сначала – безразлично, затем – пристально. Он что-то прошептал сопровождающему писцу и поднял руку:

– *Šun iggiš! Šaneggi innam!* – «Стой! Печать с ними!»

Вейр рванулся первым. Крис бросился за ним. Энлилу закрыл фрагмент копии своим телом и вскрикнул:

– *Šel-hu šegul az!* – «Свет прячется в тени!»

Гонец вскрикнул. Началась погоня. Глиняная улица, заваленная корзинами и кувшинами, сотрясалась от шагов стражников. Люди кричали, прятались в дверных проемах. Удар гонга в храме Тиррум-Ан означал тревогу.

– Направо! – крикнул Крис. – За здание гончаров!

Они свернули в проулок, петляющий между стен из неоштукатуренного кирпича. Над головами трепетали полотнища с заклинаниями – их срывал ветер, и слова *nam giriš, tuz az* – «смысл пути, след сокрыт» – крутились в воздухе, словно сами отказывались быть понятыми.

Выйдя из южных ворот города, Вейр увидел знакомые очертания скалы, где они спрятали свои вещи.

– Мы почти у цели!

Но в этот момент один из стражников метнул копье. Оно пролетело рядом с Вейром, отскочило от стены и ударило Энлилу-Намру в бок. Тот пошатнулся, но не упал.

– *Az... šul tuš...* – прошептал он. – «Свет... должен уйти...»

Крис подбежал к нему, схватил под руку, но Хранитель отстранился:

– *Šarru az piš... Šaneggi tuš az...* – «Царь уже знает... Печать должна остаться...»

– Мы не оставим тебя! – закричал Вейр.

– *Šuminki innam. Kir ezzun.* – «Небо говорит. Путь сужается».

Он вынул из-под своей одежды амулет Вейра и вложил его обратно в ладонь ученого. Его взгляд стал мягким, как у человека, впервые увидевшего свет после долгой тьмы.

– *Tuš az šul. Ummatu nam.* – «Иди в свет. Народ ждет».

Сквозь боль он выпрямился, развернулся к приближающимся стражникам и медленно пошел навстречу. Его

силуэт в предрассветной пыли стал похож на идола. Он произносил вслух строки на эламском, и они звучали как песня смерти.

Вейр и Крис добежали до скалы, где была спрятана одежда, и быстро переоделись.. В последний момент Вейр активировал систему запуска временного модуля.

– *Pištu innam*, – прошептал он. – «Истина говорит».

Вдалеке на пыльной дороге стоял Энлилу-Намру. Его силуэт был слегка согбленным, одна рука висела беспомощно, другая опиралась на посох. Одежда была запыленной, на боку – запекшаяся кровь. Он ничего не говорил – просто смотрел. Его взгляд был спокойным, всепонимающим, как у того, кто знает, что ход времени не изменить, но можно проводить глазами тех, кто еще идет сквозь время.

– Он жив... – прошептал Крис.

– Он ждет, когда мы вернемся обратно, – сказал Вейр, не оборачиваясь. – Но это уже не наша глава.

В одно мгновение шум древнего ветра сменился низким гулом модуля временного перемещения, и холод современного металла коснулся их лиц. Прошлое исчезло, как сон, который они запомнили не словами, а тяжестью в груди.

А над древним Эламом снова опустилась тишина.

ГЛАВА 12. ВОЗВРАЩЕНИЕ С ОТКРОВЕНИЕМ

Вейр открыл глаза первым. Он лежал на полу лаборатории, освещенной неоном, с едва слышимым гудением генераторов. Мир вернулся. Но он уже не был прежним.

Крис сидел у стены, сжимая кожаный свиток, на котором еще теплился оттиск печати. Он не говорил. Только смотрел перед собой, будто сквозь стекло времени.

— *Šul az... innam*, — прошептал Вейр. — «Свет... вернулся».

В тот же день лаборатория была заперта. Все данные — сканы, оттиски, переводы, реконструкции — зашифрованы и вынесены в изолированное хранилище. Вейр действовал с холодной решимостью, как человек, держащий в руках не знание, а судьбу.

Он отправил одно письмо. Только одно. Адресовано было в Международный центр по изучению древних языков и цивилизаций, под грифом «экстренное научное сообщение». Внутри — копия таблицы, сопровождаемая записью:

«Переведено из языка позднего эламского. Источник: неизвестный ритуальный архив. Текст содержит элементы

астрономической и техногенной символики. Вероятность искусственного происхождения знаков — высокая. Ключевая фраза: «*Simash hutta šetira. Šigiz hallime šenniki.* — «Знак есть Звездный путь. Печать говорит Истину»».

Прошло несколько недель. Вейр восстановил архив временного модуля, провел замеры и проверку. Показания подтвердили: в момент запуска зафиксированы временные искаженные поля, совпадающие с координатами Древнего Элама. Возврат был идеальным.

— *Tuš az šegul,* — сказал Вейр. — «Он остался в тени».

— И его имя будет там, — ответил Вейр, вспоминая Энлилу-Намру. — Мы вернемся, если придет время.

Он сел за рабочий стол. На нем лежала табличка-копия. Рядом — амулет, который вернул ему Хранитель. Профессор провел пальцем по символу кольца и звезды.

— *Giriš šul nam. Ummatu piš,* — прошептал он. — «След есть свет. Народ жив».

Снаружи ветер шевелил сухие листья. Где-то в коридоре зазвенели шаги. Мир жил своей жизнью, не подозревая, что в его ткани теперь вплетена древняя песнь.

И быть может, однажды в другом времени, в другой пыли кто-то снова скажет:

— *Šaneggi innam. Pištu giriš.* — «Печать говорит. Истина ведет».

Так закончилась их одиссея — но началась история, которую уже нельзя будет стереть.

Потому что она написана не только на глине. Но и в памяти людей.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

История, рассказанная в этой повести, завершена — но не исчерпана. Как и сама табличка, с которой все началось, она хранит в себе больше, чем кажется на первый взгляд. Одни загадки рождают другие, каждая разгадка ведет к новым вопросам. Так бывает всегда, когда мы приближаемся к границе между известным и неизведанным.

Элам остается для нас не только географическим и историческим понятием, но и символом утраченного знания — цивилизации, которая, возможно, знала больше, чем сумели сохранить ее потомки. Быть может, они пытались передать нам послание, но не были уверены, что мы сумеем его прочесть. Быть может, и мы однажды оставим такие же следы — фрагменты смысла, которым предстоит ждать своих читателей тысячи лет.

Среди археологических находок и культурных мифов Элама особенно выделяется один мотив — «небесные врата». Символические ли или вполне реальные, они воспринимаются как возможные переходы в иные миры. В орнаментах храмов, в пропорциях сооружений, в загадочном расположении табличек исследователи видят намеки на знание, превосходящее земной уровень той эпохи.

Какую роль играла элита Элама — жрецы, астрономы, хранители тайн — в этих возможных контактах? Быть мо-

жет, они были посредниками между человеческим опытом и тем, что мы пока относим к внеземному. В одних преданиях говорится о лучах света, спускавшихся с неба, в других — о днях, когда замирало время. В некоторых упоминаются фигуры, пришедшие «из-за хребтов, где нет пути».

Фантастика? Возможно. Но именно в подобных гипотезах оживает связь между древним мифом и современным воображением. Вопрос о «космических вратах» — это не только вопрос перемещения, но и вопрос восприятия, внутренней готовности выйти за пределы известного. Мы не знаем, что скрыто в символах линейного эламита. Но возможно, среди них есть карта, схема или приглашение к тем, кто однажды решится заглянуть в эту древнюю бездну.

Контакт, описанный в повести, — художественная гипотеза. Но за ней стоит нечто большее: ощущение, что человечество никогда не было одиноко. И что не все знание родилось на Земле. Астрономические системы, музыка, архитектура, календарные циклы — все это вновь и вновь возвращает нас к мысли, что мы — не начало и не центр.

Если эта повесть пробудила в вас интерес к древним культурам, к темам межзвездного наследия и к тайным нитям, связывающим цивилизации, — значит, она выполнила свою задачу. Потому что ее главная тема — не прошлое. Ее тема — будущее, которое мы начинаем понимать, только заглянув вглубь времени.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Расшифровка эламского языка и линейного эламита

В 2017 году французский археолог Франсуа Дессе из исследовательского центра Archéorient (Лион) сделал прорыв в области дешифровки древних письменностей. Ему удалось расшифровать линейный эламит – уникальную и до недавнего времени неразгаданную систему письма, использовавшуюся на территории Ирана более четырех тысяч лет назад.

Линейный эламит в своей древней версии – прото-эламская письменность, появился приблизительно в 3300 году до н.э. и развивался параллельно с протоклинописью шумеро-аккадской Месопотамии. Это означает, что вопреки прежним представлениям письменность возникла не исключительно в Месопотамии, а одновременно на Иранском плато и в междуречье Тигра и Евфрата.

Протоэламские и линейно-эламские надписи были впервые обнаружены еще в 1901 году в городе Сузе, столице древнего Элама. Однако дешифровка этих текстов долгое время казалась невозможной. Система письма оставалась загадкой более ста лет – наравне с письменностью долины Инда и критским линейным письмом А.

Линейный эламит представляет собой чисто фонетическую письменность: каждый знак обозначает звук, слог или гласную /согласную. В отличие от месопотамской кли-

нописи, сочетающей фонограммы и логограммы, эламская система была значительно более прямолинейной. Это делает ее уникальной для бронзового века, а также свидетельствует о самостоятельной интеллектуальной традиции на территории Ирана.

Расшифровка стала возможной благодаря анализу восьми серебряных ваз из Марв-Дашта (ок. 2000–1900 гг. до н.э.) с повторами имен правителей и божеств. Ключевыми оказались упоминания царей Шилхахи и Эбарти II, а также верховного бога Напирише. На основании этих повторяющихся структур Дессе смог определить звуковые значения знаков и сопоставить их с грамматикой известного эламского языка.

Сегодня известно около сорока линейных эламитских текстов, происходящих из разных регионов: Суз, Фарса, Шахдада, Джирофта. Эти надписи, как правило, представляют собой официальные формулы, включающие имена царей, божеств и краткое описание подношения.

Линейный эламит относится к эламскому языку, который является лингвистическим изолятом — то есть не связан ни с одной из известных языковых семей. Подобно баскскому в Европе, он существует вне привычной картины индоевропейских или семитских языков.

Одним из ключевых результатов расшифровки стало понимание, что термин «Элам» — это экзоним, введенный месопотамцами. Сами носители этой культуры называли свою страну Хатамти. Благодаря открытиям Франсуа Дессе стало возможным впервые услышать голос самой эламской цивилизации — изнутри, а не через призму ее соседей.

Таким образом, эламская письменность (а особенно линейный эламит) не только изменила научные представления о происхождении письма в Древнем мире, но и позволила приблизиться к пониманию одной из старейших цивилизаций Ближнего Востока.

ФРАЗЫ НА ЭЛАМСКОМ ЯЗЫКЕ

«Fundamenta Elamiticae» –
Professor Ivor G. Leffingwell, Oxford University Press.

kikki nam-me. giriš ummiš kiš-eli
Кикки нам-ме. Ѓириш уммиш киш-эли.
Знак жив. След ведет к истине.

šeh en-nam. ummu ašti
Шэх эн-нам. Умму ашти.
Пусть будет свет. Народ слушает.

innam. giriš šetme
Иннам. Ѓириш шётме.
Он пришел. След закрыт.

šul-šiminki innam ašti
Шуль-Шиминки иннам ашти.
Свет с неба пришел к народу.

iggid-mumai
Иггид-мумай.
Рука предательства.

šaneggi ummi
Шанэгги ўмми.
Печать народа.

šukimi šul-girru. šum piš az
Шукими шўль-гíрру. Шўм пиш аз.
След ведет к свету. Но свет слепит тех, кто боится.

šel-hu ammu innam. šip tuš
Шэль-ху амму йнна. Шип тўш.
Свет знает, кому служишь. Он защитит.

šarru šul-hu. ezzun-šu šumki
Шáрру шўль-ху. Эззун-шў шўмки.
Царь есть свет. Его свет – с неба.

giriš šumtu. anni šegul. namru šiptu
Гíриш шўмту. Ённи шéгул. Нámру шíпту.
След истерт. Песок укрыл. Язык тьмы хранит.

innam šul? šum pištu?
Йннам шўль? Шўм пíшту?
Он несет свет? Или яд?

anni urhu! Šip nam! Giriš lugal az!
Ённи урхў! Шип нám! Гíриш лугáл аз!
Пусть придет бедствие! Голос – имя!
След – царский путь!

ПРИМЕЧАНИЕ

В повести использованы реальные исторические события и имена. Однако сюжет, диалоги и интерпретации, указанные в повести, являются художественным вымыслом.

Обложка создана с помощью нейросети ChatGPT
(<https://chatgpt.com/>)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
От авторов	5
Глава 1. След на глине	6
Глава 2. Песок и жар Сузианы	11
Глава 3. Храм и хранитель	16
Глава 4. Язык богов	20
Глава 5. Заговор под ливнем	23
Глава 6. Тайны на пергаменте	26
Глава 7. Клинья и кровь	29
Глава 8. Голос предков	32
Глава 9. Песнь затмения	37
Глава 10. Печать на глине	40
Глава 11. Побег сквозь песок	44
Глава 12. Возвращение с откровением	47
Послесловие	49
Историческая справка	51
Фразы на эламском языке	53
Примечание	55

Виктор Харебов
Сергей Харебов

Глиняная табличка из Элама
Из цикла «Хроники стародавних царств»

Во время раскопок в окрестностях древнего эламского города Хафт-Тепе (II тыс. до н. э.), на юго-западе Ирана, уфолог и археолингвист профессор Вейр находит глиняную табличку с необычной клинописью. Их ждет путешествие во времени, встречи с жрецами, нападения и погони. Вместе с хранителем артефактов Энлилу-Намру, профессор пытается ее расшифровать. Истина, спрятанная в клинописных строках найденной таблички, оказывается куда глубже, чем они могли себе представить.

ISBN 978-5-0067-1080-1

9 785006 710801 >